

УДК 167.7+316.32

**ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ:
материалы заседания Всероссийского научного вебинара
по проблемам социальных и гуманитарных наук с международным участием
«Соединяем пространства» (26 ноября 2022 г.)**

Северо-Западный институт управления РАНХиГС
при Президенте Российской Федерации (г. Санкт-Петербург)
Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)

Аннотация. Доклад д-ра филос. наук, профессора И. Ф. Кефели посвящен процессам интеграции и соперничеству государств за влияние на евразийском пространстве. Философия евразийства выступила в качестве методологии исследования проблемы. Докладчик кратко рассмотрел историю формирования основных идей евразийства в работах М. В. Ломоносова, В. И. Ламанского, П. Н. Савицкого, Н. С. Трубецкого, Г. В. Вернадского, Л. Н. Гумилева. И. Ф. Кефели подчеркнул, что российская геополитика в истории России и на современном этапе имеет евразийские основания. В докладе были названы противоречия и трудности реализации проекта «Большая Евразия», изначально предполагающего кооперацию государств и рывок в технологическом развитии. В качестве главного источника геополитической опасности для России в докладе названа активизация интеграционных процессов среди тюркских государств и народов, часть из которых проживает на российской территории. И. Ф. Кефели обратил внимание на недооценку правительством России нарастающей опасности. Автор доклада указал, что противовесом возглавляемой Турцией интеграции тюркских народов может стать упрочение связей стран БРИКС. В рамках евразийского пространства противовес может быть сформирован в случае последовательного участия России в трех макрорегиональных проектах, а именно: ЕАЭС, китайском проекте «Экономический пояс Шелкового пути», логистическом проекте «Север–Юг» (Россия, Иран, Индия). В заключении автор подчеркнул особенности исследования геополитической реальности и ее политической экспертизы. Обсуждение доклада проходило в форме дискуссии, обнаружившей различия сформировавшихся в отечественной науке точек зрения на поднятую проблему.

Ключевые слова: геополитика, евразийство, безопасность, внешняя политика России, Организация тюркских государств.

Для цитирования: Проблемы обеспечения геополитической безопасности России: материалы заседания Всероссийского научного вебинара по проблемам социальных и гуманитарных наук с международным участием «Соединяем пространства» (26 ноября 2022 г.). (2022). *Respublica Literaria*. Т. 3. № 4. С.181-208. DOI: 10.47850/RL.2022.3.4.181-209

**PROBLEMS OF ENSURING THE GEOPOLITICAL SECURITY OF RUSSIA:
Materials of All-Russian Scientific Webinar “Connecting Spaces” with
International Participation on the Problems of Social and Human Sciences
(26 November 2022)**

North-Western Institute of Management of the RANEPA
under the President of the Russian Federation (St. Petersburg)
Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)

Abstract. Report of Doctor of Philosophical Sciences, Professor I. F. Kefeli is devoted to integration processes and the rivalry of states for influence in the Eurasian space. The philosophy of Eurasianism is used as a methodology for researching the problem. The speaker briefly reviewed the history of the formation of the main ideas of Eurasianism in the works of M. V. Lomonosov, V. I. Lamansky, P. N. Savitsky, N. S. Trubetskoy, G. V. Vernadsky, L. N. Gumilyov. I. F. Kefeli emphasized that Russian geopolitics has Eurasian foundations both in the history of Russia and at the present stage. The report discussed the contradictions and difficulties in implementing the Greater Eurasia project, which initially involves cooperation between states and a breakthrough in technological development. The growth of integration processes between the Turkic states and peoples, some of whom live on the territory of the Russian state, is named in the report as the main source of geopolitical danger for Russia. I. F. Kefeli drew attention to the Russian government's underestimation of the growing danger. The author of the report pointed out that the strengthening of ties between the BRICS countries could become a counterbalance to the integration of the Turkic peoples, which is taking place under Turkish leadership. This counterweight can also be formed within the Eurasian space if Russia consistently participates in three macro-regional projects: the EAEU, the Chinese Silk Road Economic Belt, and the «North-South» logistics project (Russia, Iran, India). In conclusion, the author emphasized the features of the study of geopolitical reality and its political expertise. The discussion of the report was held in the form of a discussion, which revealed the difference in points of view formed on this problem in the Russian scientific community.

Keywords: geopolitics, Eurasianism, security, Russian foreign policy, Organization of Turkic States.

For citation: Problems of Ensuring Russia's Geopolitical Security. Materials of the Meeting of the All-Russian Scientific Webinar on the Problems of Social Sciences and Humanities with International Participation "Connecting Spaces" (26 November 2022). (2022). *Respublica Literaria*. Vol. 3. no. 4. pp.181-208. DOI: 10.47850/RL.2022.3.4.181-209

Докладчик: д-р филос. наук, профессор *Кефели Игорь Федорович*.

Зарегистрировавшиеся участники: д-р пед. наук, профессор *Абрамова Мария Алексеевна*; канд. филол. наук, доцент *Везнер Ирина Анатольевна*; канд. филос. наук, доцент *Веркутис Михаил Юрьевич*; канд. физ.-мат. наук, доцент *Вертгейм Лев Борисович*; д-р филос. наук, доцент *Ерохина Елена Анатольевна*; канд. культурологии *Завьялова Анна Николаевна*; д-р филос. наук, доцент *Зиневич Ольга Владимировна*; канд. филос. наук *Костюк Всеволод Григорьевич*; канд. психол. наук, доцент *Кошелева Жанна Викторовна*; канд. филос. наук *Лигостаев Александр Георгиевич*; м.н.с. ИФПР СО РАН *Персидская Ольга Алексеевна*; канд. филос. наук, доцент *Петров Владимир Валерьевич*; д-р филос. наук, профессор *Плебанек Ольга Васильевна*; д-р филос. наук, профессор *Попков Юрий Владимирович*; канд. истор. наук, доцент *Прошин Владимир Алексеевич*; д-р филос. наук, профессор *Пфаненитиль Иван Алексеевич*; канд. филос. наук *Петропавловский Алексей Викторович*; д-р филос. наук, профессор *Розов Николай Сергеевич*; д-р филос. наук, профессор *Рубанцова Тамара Антоновна*; д-р соц. наук *Солодова Галина Сергеевна*; д-р филос. наук *Тюгашев Евгений Александрович*; канд. филос. наук *Ушаков Дмитрий Викторович*; канд. филос. наук *Харламов Андрей Васильевич*; магистр филол. наук *Хишигдулам Нанжидмаа*; д-р филос. наук, доцент *Черных Сергей Иванович*; канд. филос. наук *Шакирова Светлана Махмутовна*; аспирант *Гордейчик Екатерина Александровна*; аспирант *Дворкин Антон Борисович*; аспирант *Литошенко Иван Федорович*; аспирант *Лукьянов Николай Евгеньевич*; магистрант *Чуглаева Анастасия Юрьевна*; магистрант *Шарифуллина Наталья Викторовна*; д-р филос. наук *Изгарская Анна Анатольевна*.

А. А. Изгарская. Дорогие коллеги, здравствуйте! Начинаем работу нашего вебинара. Сегодня с докладом «Проблемы обеспечения геополитической безопасности России» выступит Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, вице-президент Академии геополитических проблем, заместитель главного редактора журнала «Евразийская интеграция: экономика, право, политика», ведущий научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории стратегического планирования и евразийской интеграции Северо-Западного института управления РАНХиГС, д-р филос. наук, профессор Игорь Федорович Кефели. Хочу сказать, что я с большим уважением и благодарностью отношусь к Игорю Федоровичу. В далеком 2015 г. он поддержал меня и выступил в качестве оппонента на защите моей докторской диссертации. Пожалуйста, Игорь Федорович, Вам слово.

И. Ф. Кефели. Здравствуйтесь, уважаемые коллеги! Рад вас видеть, слышать. Вначале я скажу несколько слов о том, что побудило меня выступить перед вами. Тема на злобу сегодняшнего дня. Так, недавно мы с Анной Анатольевной Изгарской приняли участие в Первом конгрессе исследователей международных отношений, организатором был факультет международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ). Это был большой форум, который продлился несколько дней. Мы с Анной Анатольевной работали в секции «Вопросы современной геополитики», где я был модератором. Большинство докладов, включая ее доклад, были посвящены проблемам безопасности России в современных условиях. Как говорится, у медведя девять песен и все они про мед, так и у меня, все про геополитику. Тема, сами понимаете, довольно большая. Я не буду долго говорить о геополитических проблемах, скажу только о некоторых сюжетах исторического плана для того, чтобы раскрыть вопрос: почему проблема безопасности России встала достаточно остро?

Дело в том, что проблема геополитической безопасности явилась своеобразным политическим ответом на геополитические риски. В двух словах объясню: по сути дела начиная с 2006 г., в рамках Давосского Всемирного экономического форума стали издаваться ежегодники, которые публикуются в январе к началу его работы [см., например: *The Global Risks Report 2017 ...*, 2017]. В 2017 г. в двенадцатом издании такого ежегодника были представлены материалы об угрожающих современному миру рисках, а если точнее, то описание по пяти блокам рисков в их взаимосвязи. В этом документе перечислен блок геополитических рисков: несостоятельность верховной власти; несостоятельность регионального или глобального управления; межгосударственный конфликт с региональными последствиями; крупномасштабные террористические атаки; оружие массового поражения. Достаточно сказать, в докладе 2022 г. растущая геополитическая напряженность рассматривается как один из существенных факторов глобального расхождения [*The Global Risks, Report 2022*, p. 17-18].

Методологическим основанием моих исследований проблем геополитической безопасности является евразийство. Краткая предыстория евразийства. Я, разумеется, начну с идей М. В. Ломоносова. По сути дела, в его размышлениях мы впервые обнаруживаем протоевразийскую идею. Он говорил о том, каким образом прирастает российское могущество. Это мы находим в последнем прижизненном издании его работы «Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу

Сибирским океаном в Восточную Индию» (1763 г.). В ней он указывал на необходимость формирования геостратегии развития и формирования геополитического статуса России. М. В. Ломоносов видел эти процессы в расширяющемся российском пространстве уже с эпохи Московского княжества.

Российская, русская, геополитика имела евразийское основание. Я сошлюсь только на работу Владимира Ивановича Ламанского «Три мира Азиатско-Европейского материка» (1892 г.) в которой он писал, что на Евразийском континенте на основании географических, этнологических и историко-культурных характеристик выделяются три основных мира, а именно: Западная Европа, собственно Азия и «срединный мир» – «Россия – Евразия». Эти идеи нашли также отражение в его докторской диссертации «Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе», защищенной в Санкт-Петербургском университете в 1870 г.

Геополитику, как русскую научную школу, как направление в русской политической науке, в 1920-х гг. заложил Петр Николаевич Савицкий. Я не буду углубляться в содержание евразийского учения, не буду много говорить об основателях евразийства, лишь отмечу, что базовые положения были заложены именно П. Н. Савицким, выпускником 1917 г. Петроградского политехнического института. Находясь в эмиграции в Праге, он подготовил целую серию работ, в которых евразийство зарождается как умозрительная историософская область научного знания. 1921 г. может быть точкой отсчета евразийской концепции. В прошлом году мы отмечали столетие евразийства и посвятили этому большую монографию, если будет время, я на ней остановлюсь [Советская цивилизация и евразийская идея ..., 2022]. В 1933 г. в работе «Географические и геополитические основы евразийства» он четко определил основные геополитические характеристики «России – Евразии». Приведу в качестве примера несколько цитат, вы их видите на слайде. П. Н. Савицкий утверждал, что «русская история есть история Евразии как исторического и географического мира». Еще он указывал, что «над Евразией веет дух своеобразного “братства народов”...», здесь легко просыпается “воля к общему делу”. Обращаю ваше внимание на идею «братства народов», это была одна из ключевых установок евразийской геополитики и евразийской идеологии в целом.

Такой же подход, но на основе исторической науки, был заложен Георгием Владимировичем Вернадским. Его работа «Начертание русской истории» была издана в 1927 г. в Праге на русском языке совместно с П. Н. Савицким. В ней он дает ключ к тому, что и получит название «русская геополитика» и что является основой отечественной геополитики в целом.

Еще один наш отечественный мыслитель, называвший себя «последним евразийцем» – Лев Николаевич Гумилев. В 2012 г. мы широко отмечали столетие со дня рождения Л. Н. Гумилева: прошла большая конференция и в СПбГУ, и в Российском государственном педагогическом университете им. А. И. Герцена, в Таврическом дворце состоялось большое заседание, издали большую книгу «Л. Н. Гумилев: pro et contra» [2012]. Его идеи, особенно в последний период жизни, значимы для евразийской мысли. На слайде вы видите цитаты из его работ. В своем последнем интервью он говорил, что «...если Россия будет спасена, то только как евразийская держава и только через евразийство» [Гумилев, 1992]. Сейчас,

худо или бедно, это происходит, но это факт. И его идея о том, что не надо искать врагов, их и так много, надо искать союзников, друзей на евразийском пространстве, по сути дела, является его завещанием.

Отмечу еще значение идей Н. С. Трубецкого. В работе 1927 г. «Общевразийский национализм», уже отойдя от евразийцев, но поддерживая с ними творческие связи, он указывал на интегрирующую роль социального идеала для народов пространства Евразии.

Не делая акцента на различиях направлений и течений, существовавших внутри евразийства, отмечу, что для всей евразийской геополитики посыл, выраженный Л. Н. Гумилевым как «ИДЕЯ–СИЛА», был общим. Надо искать друзей. Нашими друзьями он называл тюрков, монголов. Отсюда вытекает канва субъектов геополитической истории – это Монгольская империя, Российская империя, Советский Союз, Евразийский экономический союз (ЕАЭС), Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), БРИКС. Первые три субъекта отражены в работах классиков евразийства, в частности в работах Г. В. Вернадского. Евразийский Союз, ШОС – современные образования на евразийской территории. Я сюда включил и БРИКС, потом об этом скажу несколько слов. Надо иметь в виду, что все дискуссии, споры, которые ведутся сегодня среди аналитиков международных исследований, в частности представителей Валдайского клуба, постоянно касаются вопросов о том, какой мир будет выстроен нашими усилиями, какова будет его структура. Будет ли это биполярный мир, где полюсами будет США и Китай, либо это будет бесполярный, многополярный мир? Достаточно много дискуссий по этой проблеме ведется. Я не со всеми идеями аналитиков Валдайского клуба согласен, но это отдельный разговор, и я неоднократно об этом писал. Например, относительно геополитической эпохи после завершения холодной войны представители Валдайского клуба предлагают: «А давайте будем рассматривать современный мир, как “холодный мир”». Не понятна структура мира.

Небольшая предыстория о том, как оценивать современную геополитическую эпоху. В преамбуле Беловежского договора о создании СНГ (08.12.1991 г.) указывалось на прекращение существования Советского Союза – «субъекта международного права и геополитической реальности». Мы видим, что разрушение СССР было совершенно осознанным действием. О геополитике тогда в стране мало говорили, геополитика в СССР считалась буржуазной наукой, буквально единицы ученых вникали в суть происходящих сдвигов. Последнее упоминание в отечественных работах о геополитике присутствует в статье венгерского революционера, разведчика, ученого Шандора Радо в первом издании Большой советской энциклопедии 1929 г. В своей статье «Геополитика» он перечислил даже закономерности геополитики, ссылаясь в основном на немецких авторов.

Рубежное значение для современной геополитики имеет доклад Игоря Иванова. В ту пору он уже не был министром иностранных дел, а был руководителем Российского совета по международным делам. 12 сентября 2015 г. на XX ежегодной конференции Балтийского форума «США, ЕС и Россия – новая реальность», проходившей в Юрмале, в своем докладе он заявил, что «континентальный раскол между Европой и Россией, расхождение двух европейских геополитических плит будет оказывать огромное влияние на Европу и мир в целом». Дальше он заявил, что «Евроатлантика и Евразия оформляются как новые центры глобального притяжения... В новой геополитической реальности Россия перестает быть восточным флангом несостоявшейся Большой Европы и превращается

в западный фланг формирующейся Большой Евразии». Он открыто признавался в том, что, когда был министром иностранных дел Российской Федерации, он ратовал за включение России в Большую Европу, но эти усилия привели лишь к обострению отношений.

Идея о формировании Большой Евразии стала общим местом политического дискурса. К ней обращался и министр иностранных дел С. Лавров, и Президент России В. В. Путин. На XX Петербургском международном экономическом форуме В. В. Путин открыто заявил о том, что начинается реализация масштабного геополитического и геоэкономического проекта Большая Евразия. Он отметил: «Мы с нашими партнерами считаем, что Евразийский экономический союз может стать одним из центров формирования более широкого интеграционного контура». Все вроде бы правильно. Споры нет. Однако процесс идет с большими трудностями, я скажу об этом чуть позже. Я наблюдаю этот процесс, принимая участие в различных проектах Евразийской экономической комиссии, в частности, в написании книги, которая задумывалась в феврале этого года как учебник по евразийской идеологии, по евразийским проектам для всех государств членов ЕАЭС, как учебник для вузов наших государств. В декабре этого года книга должна выйти, сейчас она проходит формальные процедуры, находится на обсуждении, согласовании. Хотят выпустить ее к десятилетию создания ЕАЭС. Таким образом, тренд сформировался достаточно четкий, однако этот тренд встречает яростное сопротивление наших «партнеров».

У проекта «Большая Евразия» существуют этапы эволюции. В сфере научного осмысления появляется много понятий, например, «интеграция», «Большое евразийское партнерство». Скоро будет проходить в Таврическом дворце большой Евразийский экономический форум, там я буду выступать примерно на такую же тему. Важен целый ряд вопросов. Каким образом сотрудничать в рамках этого партнерства и с кем? Насколько оно будет надежным и долговечным? Сейчас ничего, как оказывается, долговечного в международной политике не бывает. Все очень зыбко и хрупко. Но сутью проекта, в первую очередь, является идея технологического прорыва на основе кооперации государств. Даже происходит официальное изменение геополитической доктрины России. Еще в 2004 г. на базе Балтийского технического университета им. Д. Ф. Устинова (ВОЕНМЕХ) мы провели первую конференцию, которая так и называлась «Геополитическая доктрина России: реалии и проблема выбора». В конференции принял участие президент Академии геополитических проблем Леонид Григорьевич Ивашов, он был инициатором мероприятия. Были интересные доклады, очень активно прошло обсуждение. С тех пор наши предложения не особо хорошо воспринимались, не принимались политической элитой. Но сейчас проблема стоит особо остро. И у нас, прежде всего в Северо-Западном отделении Академии геополитических проблем, ведется работа. Мы занимаемся разработкой проекта Концепции геополитической безопасности Российской Федерации. Как только мы данный проект подготовим, дальше начнем обсуждение, которое будет вестись в том числе в рамках Изборского клуба, поскольку наша Академия входит в ассоциацию Изборского клуба. После обсуждения будем решать, кому его можно предложить.

Я уже сказал, что проект «Большой Евразии» предполагает кооперацию государств и технологический прорыв на этом основании. Однако основание остается хрупким. Об этом может свидетельствовать, например, политика бывшего Президента Казахстана Нурсултана Абишевича Назарбаева. Я отразил это на слайде «Евразиец или...?». Все вы помните его пламенное выступление 29 марта 1994 г. в Московском государственном университете

(МГУ). Он в своей речи говорил о необходимости объединения на евразийском пространстве различных государств–республик, но ничего еще не говорил о Евразийском Союзе. А до этого события, я проследил по документам, где-то за месяц до своей речи в МГУ он выступал в Лондоне. Там он тоже эту мысль апробировал. Точнее можно предполагать, что он решил апробировать эту идею и посмотреть, какая реакция будет на Западе. Рассмотрим несколько цитат из его более поздних выступлений. В актовом зале МГУ 28 апреля 2014 г. он заявляет, что «Евразийская идея сейчас, в середине второго десятилетия XXI в., обретает реальные геополитические и геоэкономические очертания». Далее он говорит: «Я глубоко убежден, что XXI в. будет столетием великой, процветающей Евразии». Все очень красиво. А до этого, в докладе от октября 2012 г. в Стамбуле можно прочитать совершенно иное. Он заявляет, что «мы живем на родине всего тюркского народа». Вот первое ключевое слово – «тюркский народ». Далее он утверждает: «Мы были колонией Российского царства», затем, обратите, пожалуйста, внимание, «Советского Союза». Одна из крупнейших республик СССР в его изложении – это колония. Следующие цитаты: «За 150 лет казахи лишились своих национальных традиций, обычаев, языка, религии»; «Между Алтаем и Средиземным морем живет свыше 200 миллионов братьев. Если мы все объединимся, то будем очень эффективной силой в мире». Вот о чем заявлял Президент Казахстана в то время. А дальше пошло-поехало.

Вот почему я говорю сейчас о проблеме геополитической безопасности. Появление подобных образований ставит вопрос безопасности очень остро. Вы знаете, в ноябре прошлого года Тюркский Совет преобразился. В Стамбуле проходила встреча глав всех тюркских государств, включая Казахстан, Киргизию и, конечно же, Азербайджан. Туркмения выступила в качестве наблюдателя, она не вошла в Совет. На данной встрече было принято решение о преобразовании Тюркского Совета в Организацию тюркских государств (ОТГ). Причем в канун проведения этого совещания был опубликован доклад, который назывался «Тюркский мир – видение 2040». Он опубликован на сайте Организации на английском и на турецком языках. Я сделал для себя его рабочий перевод. Сейчас уже перевод можно найти в Интернет. И знаете, это очень хороший доклад. Я потом буду говорить о нем отдельно, буду связывать его с эффектом «мягкой силы». В докладе все четко расписано. Они уже видят тюркский мир как организацию до 2040 г. Как они видят свое развитие? Во-первых, они планируют развиваться посредством объединения совместных усилий с Европейским Союзом. Предполагается создание транспортных, экономических объединений. Ни одного слова, ни одного упоминания в этом докладе, а он занимает страниц двадцать текста, о России. Там нет упоминаний ни о Белоруссии, ни о ЕАЭС, членом которого являются, как вы прекрасно знаете, Казахстан и Киргизия – члены ЕАЭС и ОДКБ. Речь в документе идет о государствах Центральной Азии, Европейском Союзе, США. Понимаете, вот такой сформировался крен, и он настораживает. Но потом я одну крамольную мысль выскажу по этому поводу.

Что еще важно, Россия, Китай, Иран, Болгария, Греция, Афганистан имеют в своем составе значительное количество тюркских меньшинств. И они будут рассматривать всякое движение к единению тюрков как угрозу их территориальной целостности. То есть по сути дела, любое такое государство должно быть озабочено тем, что данные национальные

меньшинства будут проявлять национализм и сепаратизм, агрессивные настроения. И это сейчас очень четко прослеживается не только за границей России, но уже и в наших регионах. Возьмите Алтай, Бурятию, Якутию. Незаметно, но такая опасность, к сожалению, растет. Это те самые риски, о которых я говорил. Как глобальные явления они, эти риски, свои отростки дают на региональном уровне. И поиск казахской идентичности явно ведет к разрыву с русскоязычным информационным пространством. Об этом говорить много не надо, но вы и так об этом прекрасно знаете. К сожалению, ответов на ситуацию со стороны российского государства пока нет. Наша активность, наши геополитические мысли, идеи, которые мы высказываем, они не так чтобы совсем пролетали мимо ушей, но даже если нас слышат, то никаких выводов не делается.

Приведу пример. Недавно (2018 г.) под эгидой Николая Николаевича Бордюжи был образован Евразийский информационно-аналитический консорциум. Прошло несколько взаимосвязанных конференций на базе Общественной палаты Российской Федерации. В журнал «Евразийская интеграция» я буду давать материал по итогам этих мероприятий. Так вот, такие и подобные вопросы на данном уровне не задаются, их обходят стороной. Как будто эти вопросы касаются только государственных чиновников, верховной власти. На уровне научного сообщества есть единичные высказывания, отдельные идеи, но пока они не находят своего претворения. А когда речь заходит о наших отдаленных регионах со смешанным этническим составом, то там о каких-то действиях, каких-то решениях никто даже и не заикается.

Посмотрите на карту, ее легко можно найти в Интернет. Это «Великий Туран». На карте вы видите, что синим цветом выделены места компактного проживания тюркских народов. Здесь отмечен Казахстан, вся Центральная Азия, Турция, но сюда входят еще Алтай, Тыва, среднее Поволжье и Якутия. А Якутия это 1/6 территории Российской Федерации. Вот что представляет собой Тюркский Совет или Организация Тюркских Государств, которая пока еще никаких заявлений не сделала. Однако подаренная Р. Т. Эрдогану карта включает эти территории. Пока «мягкая сила» очень успешно используется Турцией через различные культурные организации, литературу, создание клубов, языковых центров и т. д.

Следующая карта – тюрко-исламский мир. Посмотрите, какой охват территории. Здесь и Ближний Восток, и Северная Африка, и часть Центральной Африки, почти половина африканского континента. Это то будущее, о котором задумываются организаторы и ОТГ. Может показаться, что нас это не касается. Но все начинается с маленького.

Поэтому усилия нашего руководства, на мой взгляд, должны быть направлены на упрочение нашего Союза и наших союзников на евразийском континенте для противостояния этой, растущей, непонятно в какую сторону и с какими глубинными задумками, силой. Хотя о задумках можно догадаться, если широко мыслить, это и создание новых центров, которые могли бы объединять народы вокруг государства, вокруг формирующегося полюса силы.

Некоторым противовесом может выступить такая организация как БРИКС. Она вызывает тревогу у стран Запада. Рассмотрим цитату из статьи Д. Вильсона и Р. Пурушотаман «Мечты о БРИК: путь к 2050», опубликованной в 2003, когда аббревиатура состояла еще из четырех букв. Авторы пишут: «Четыре страны БРИК стремятся сформировать политический клуб или “союз”, и таким образом преобразовать свою

растущую экономическую власть в большее геополитическое влияние ... Соседи в регионе могли бы воспользоваться растущими возможностями БРИК. Три крупнейшие экономики из четырех расположены в Азии, вполне вероятно, что, всматриваясь в направление развития азиатского региона, в 2050 г. мы можем увидеть важные геополитические сдвиги» [Wilson, Purushothaman, 2003]. Иными словами, БРИК как союза еще не было, организация возникла в 2006 г., но прогнозы о создании уже были, уже обрели свои четкие очертания. Сейчас БРИКС развивается, что вызывает достаточно тревожный настрой у коллективного Запада. БРИКС расширяется. Иран заявил о желании войти в состав БРИКС. Наблюдателями хотят выступить целый ряд государств. Поэтому можно сказать, что противодействие существует. По этому поводу вышла целая серия работ в основном московских авторов, таких как Виктор Антонович Садовничий, Аскар Акаевич Акаев. Их последняя книга посвящена макродинамике, включая динамику стран БРИКС.

Очередная встреча руководителей государств членов БРИКС проходила на Гоа в октябре 2016 г. В результате саммита была принята Декларация Гоа и план действий по ее реализации. В декларации подтверждается общее видение происходящих серьезных изменений, констатируется необходимость перехода к многополярному международному порядку. Потребность в многополярном мире становится основой политических решений, а также шагов государств, которые входят в Евразийский экономический союз, в ШОС и в БРИКС. Декларация Гоа «представляет собой политический документ, выражающий намерения решения задач в области экономики, глобальной безопасности, устойчивого развития, разрешения геополитических конфликтов». Этой Декларацией зафиксировано решение тех геополитических рисков, которые наблюдаются во всех регионах мира.

Теперь несколько слов о векторе евразийской интеграции. Вернемся от проблем мира в целом к евразийским проблемам. Это реализация трех, повторюсь, макрорегиональных проектов. Векторы евразийской интеграции находят отражение в реализации этих проектов. Во-первых, ЕАЭС, относительно которого уже по результатам первого года его существования эксперты давали критические оценки. Нерадостные оценки давали в первую очередь российские эксперты. Я не стал их включать в свой доклад, чтобы не перегружать содержание. В неявной форме эксперты выражали недовольство, смысл которого заключался в том, что Россия опять должна помогать всем этим республикам, теперь членам Евразийского Союза, за счет своих экономических ресурсов и вооруженных сил.

Второй вектор – китайский проект «Экономический пояс Шелкового пути». Он активно развивается, его итоги были представлены на докладе Си Цзиньпина на XX-м съезде КПК. Представители Китая убеждают, что они идут семимильными шагами и, невзирая на проблемы, решают свои задачи. Решают задачи вместе с ШОС, которая появилась в результате инициативы Пекина, Россия там играет не особо активную роль. Хотя внешне все выглядит красиво и хорошо.

И еще я хочу указать на один не глобальный, а макрорегиональный проект. Это возрождение логистического проекта «Север–Юг» (Россия, Иран, Индия). По крайней мере, на уровне документов прошла информация о решении возобновить путь от Петербурга до Мумбаи – города-порта в Индии. Уже определены сроки реализации данного проекта. В соответствии с проектом необходимо сделать несколько стыковочных железнодорожных путей на территории Ирана. Помогают строить железнодорожные ветки и Азербайджан, и Россия. Хочу отметить, что это не только транспортный путь, но это предприятия,

обеспечивающие всю его инфраструктуру, это промышленность, города и морские порты на Каспийском море. В результате проект затрагивает все государства Каспийского региона. Этот проект, на мой взгляд, не уступает и не контрастирует с «Шелковым путем», но исключает перевес логического порядка потому, что Китай строит не только сухопутный «Шелковый путь», но и морской путь в Арктике.

Завершая свое затянувшееся выступление, я хочу подчеркнуть, любой геополитический проект надо рассматривать через призму, оптику учета и рисков, и шансов. Если риски четко выражаются, то их надо каким-то образом определять. Степень вероятности изменения рисков следует рассматривать как степень вероятности изменения геополитического статуса субъекта мировой политики или отдельно взятого государства и союза, в том числе ЕАЭС, его геополитических статусных показателей, которые определяются геополитическим потенциалом, т. е. долей государств, территориальной, демографической, экономической и военной сферы. Это не только военная и не только экономическая сфера, но и население. Это важные показатели геополитического потенциала любой страны либо в целом того или иного союза. Тюркский союз составляет более 200 миллионов человек, как демографический потенциал, а ЕАЭС примерно столько же или чуть больше. А шансы имеют вероятностную природу. Это вероятность к успеху, удаче; шанс – это реализация потенциальных возможностей, т. е. тех, которые могут и не реализоваться. Например, «Северный поток». Шанс усматривали в том, что Россия обогатится за счет перекачки газа, но шанс этот пропал, почти обнулится, поэтому сейчас санкционная борьба обострилась до красной линии. Шанс – это возможность благоприятного исхода в условиях неопределенности. Надо искать эту возможность, надо ее выбивать, превращать в необходимое состояние.

На следующем слайде я привожу несколько показателей математического порядка, касающихся статуса и геополитического потенциала, начиная с четкого определения геополитических интересов. Геополитические интересы должны выступать основой четкого понимания того, что нужно экспертировать. Политическая экспертиза должна основываться и на анализе геополитического статуса отдельно взятых государств, и на анализе коалиций. Для этого существует работающий материал, на его основе прогнозируется геополитическое будущее по четырем основным показателям, а именно в демографической, экономической, территориальной и военной сферах.

Последний момент, которым я хотел бы завершить свое выступление, это идея, мысль, которую я постоянно хочу чем-то аргументировать, и вспоминаю слова Льва Николаевича Гумилева: «Надо искать друзей». Чтобы устранить тот геополитический риск, когда на пространство ЕАЭС накладывается пространство, искусственно создаваемое ОТГ, надо находить язык общения. На сегодняшний день, по крайней мере, я не услышал ни одного заявления со стороны российских государственных деятелей, не наблюдал реакции на эту Организацию, которая существует уже год сама по себе, а мы сами по себе. К сожалению, проводим специальную военную операцию и забыли, что там, на евразийском пространстве, на Волге, на всей азиатской части России накапливается потенциал совершенно нам ненужный. Надо находить с ними общий язык. Я думаю, что это одно из ключевых направлений, которое будет способствовать разрешению проблем геополитической безопасности всей России. Спасибо за внимание. Готов ответить на вопросы.

А. А. Изгарская. Спасибо, Игорь Федорович! Юрий Владимирович, пожалуйста.

Ю. В. Попков. Игорь Федорович, во-первых, огромное Вам спасибо за фундаментальный обзор по ключевым вопросам нашего существования – и глобального, и нашего отечественного. Как Ваш обзор показал, ситуация очень печальная ...

И. Ф. Кефели. Я бы не сказал «печальная», но «не дающая покоя».

Ю. В. Попков. Я бы сказал «печальная» – мягко сказано. Однако в конце Вы немножко оптимистично сказали, что наша верховная власть все продумывает, ищет новые возможности, определяет новые блоки, но такое впечатление, что это внешняя суета, а что касается содержательных вопросов, создается ощущение, что в этом мало кто реально заинтересован.

И. Ф. Кефели. Юрий Владимирович, я этого не говорил. Я сказал другое, есть полное молчание со стороны государственной власти.

Ю. В. Попков. Да, это уже мое мнение, такое впечатление, что власть не готова делать что-то реальное. Понятно, что друзей потеряли и теперь их надо искать заново. Старых друзей потеряли, можно сказать. А теперь говорят, что Запад не дает нам чего-то сделать. У меня такое ощущение, что у верховной власти, может быть на самом высоком уровне, и есть идея что-то реально сделать, но если сопоставлять с ситуацией, то складывается впечатление, что мешает не кто-то там за границей, а у нас здесь. Либо сама власть не очень хочет, а только показывает, что якобы хочет что-то сделать. Как Вы оцениваете эту ситуацию?

И. Ф. Кефели. Я оцениваю ситуацию самым простым образом. Вот вчера, буквально, у нас было заседание – встреча с руководством нашей городской партийной организации КПРФ. Решался вопрос об образовании. Как нам перестраивать систему образования? Строить новое или полностью переходить к советской системе? Но самая глубинная проблема какая? Из системы образования ушло воспитание, ушла идеология. Многие боятся этого слова, потому что для нас идеология – это сразу террор, это репрессии и все самое нехорошее. И в данном случае такие ключевые вопросы, которые, будем прямо говорить, связаны с натиском Тюркского союза, не вызывают у власти никакой реакции, никаких мероприятий, никаких обсуждений даже на основе Российского совета по международным делам. На недавно прошедшем заседании Валдайского клуба – тишь и блажь. Даже научная общественность не всколыхнулась по этому поводу. Что такое «Тюркский мир – видение 2040»? Нигде никакой реакции нет. Я пару раз выступил, но это глас вопиющего в пустыне.

Ю. В. Попков. Это и говорит о том, что, наверное, не хотят ничего делать. Ученые периодически поднимают вопросы, например, мы с барнаульскими друзьями-евразийцами инициировали обсуждение проблем образования на VIII Российском философском конгрессе, но там москвичи все, можно сказать, спустили на тормозах. Поэтому, инициативы есть, но они гасятся где-то там, повыше.

И. Ф. Кефели. Да они не гасятся, просто они не имеют продолжения. Реакции нет. В свое время кто-то скажет громкое слово, начинается обсуждение тут же и во всех средствах массовой информации: «Давайте что-то придумывать!». А сейчас скажешь и забыли. Поэтому с одного раза это не пробивается. Но смелость города берет! Тут уж придется последовательно этим заниматься.

Ю. В. Попков. Можно тогда более конкретный вопрос? Рассматривая глобальные вопросы действительно сложно ответить, почему они не хотят. Хотя я думаю, что мы, исследователи, должны искать ответ на вопрос: «Почему наша власть не очень хочет?». А вот ЕАЭС, понятно, что о нем много говорят, есть документы, есть нормативные акты и все прочее. Однако, во-первых, много на бумаге, в реальности гораздо меньше. Во-вторых, ведь в этом Союзе, как я его оцениваю, господствуют интересы бизнеса, а что касается, например, социокультурных процессов, то они вообще не учитываются, хотя может быть в наше время самое главное – дружба народов.

И. Ф. Кефели. Я понял Ваш вопрос, Юрий Владимирович. Понимаете, ведь изначально была заложена мина замедленного действия в создании Евразийского союза. Начиная с 1990-х гг., речь шла о Евразийском союзе вообще. Подразумевался и политический союз, и экономический. Я помню, как-то на одной из ранних конференций по евразийской тематике, у нас в Петербурге выступал один из организаторов ЕАЭС – А. М. Субботин. Ему такой вопрос задали. Он ответил: «Вы знаете, давление казахской стороны, Назарбаева, было однозначным – надо создавать Евразийский *экономический* союз. Мы должны заниматься только экономикой, никакой политики, никакой культуры, ничего». Вот эта мина замедленного действия сказывается до сих пор. И те начинания и преобразования даже в экономике, которые сейчас есть, по сути, являются борьбой долгой, нескончаемой борьбой Сергея Юрьевича Глазьева (он сейчас министр по евразийской интеграции в Евразийской экономической комиссии). С ним я непосредственно контактирую по вопросам журнала, так он бьется как рыба об лед. Не пробить устоявшуюся и у нас в России традицию, и непосредственно уже в ЕАЭС. Да, экономика, и ничего больше. Превалирует экономический интерес, деньги, прибыль, обмены, снятие пошлин различных и так далее. То есть в настоящее время происходит одностороннее развитие евразийской интеграции. Это я могу утверждать достаточно четко.

И. А. Пфаненштиль. Можно вопрос?

С. И. Черных. У меня есть вопрос.

Ю. В. Попков. У меня еще много вопросов.

А. А. Изгарская. Кто из вас будет задавать вопрос, мэтры? Сергей Иванович или Иван Алексеевич?

И. А. Пфаненштиль. Спасибо, Анна Анатольевна. Игорь Федорович, присоединяюсь к Юрию Владимировичу, спасибо за хороший доклад. Я думаю, что пока Россия не выйдет из навязанной нам парадигмы Запада, либеральной парадигмы, перспективы во всех наших проектах будут печальны. Пока мы не изменим либеральную систему управления, эту беду, мы не выйдем на суверенный уровень. Очень все печально. Но надежду мы имеем на то, что это все будет меняться и очень быстро. Вопрос мой следующий: как соотносится евразийский проект и проект автаркии России, о котором говорил еще Д. И. Менделеев? Может быть, нам на самом деле обратить внимание на этот проект? Как соотносится автаркия с евразийством, может нам стоит ориентироваться больше на автаркию, а не на друзей?

И. Ф. Кефели. Своими проблемами только заниматься?

Н. С. Розов. Сразу на Северную Корею давайте ориентироваться.

И. Ф. Кефели. Спасибо, Иван Алексеевич, за вопрос. Д. И. Менделеев написал большой труд о судьбе России по итогам Всероссийской переписи 1896–1897 гг. Его идея заключалась в создании и сближении трех центров на территории России, про автаркию он ничего не говорил. Я не помню, чтобы у него была идея автаркии. Он утверждал, что нужно сбить центр политический, тогда столицей был Петербург, центр территории, это где-то в районе Индигирки в Восточной Сибири, и центр поселенности, т. е. плотности населения, город Козлов, теперь это город Мичуринск. Он утверждал, что надо сблизить эти центры. Это позволило бы упростить управление территорией. Он решал задачи государственного управления. Поэтому, Д. И. Менделеев, учитывая существующую на то время динамику прироста населения, включая влияния войн, предсказывал, что на рубеже XIX–XX вв., а к 1950 г. точно, население России будет составлять порядка 600 млн человек. Давайте вспомним, после отмены крепостного права была же создана целая программа переселения народа на Дальний Восток. Я помню, как-то в одном музее в Ижевске видел на витрине росписи за подъемные, которые выплачивались переселенцам в Западную Сибирь, переселенец получал деньги и мог приобрести две коровы, лошадь. Это была программа, которая была рассчитана на десятилетия с середины 1860-х гг. Государство занималось развитием экономики. В советское время освоение продолжалось новыми темпами, освоение восточных просторов в 1928 г. описал в произведении «Район и страна» В. П. Семенов-Тянь-Шанский. Он перечислил, какие промышленные зоны, какие задачи необходимо реализовывать, какие мощности должны быть созданы и в Восточной, и в Западной Сибири, и на Дальнем Востоке. Что-то успели создать, а где-то война не позволила. Так что шансы всегда есть и по возможности, исходя из условий, они должны быть реализованы.

И. А. Пфаненштиль. Спасибо, Игорь Федорович. Хочу заметить, что метод редукционизма, особенно сведение к биологической форме движения материи, не имеет больших оснований, но автаркия является одним из законов развития биологической формы движения и в какой-то мере здесь можно думать о таком проекте. Спасибо, Игорь Федорович.

А. А. Изгарская. Пожалуйста, Сергей Иванович.

С. И. Черных. Игорь Федорович, спасибо большое за хороший доклад. К сожалению, Ваш доклад у меня особого чувства оптимизма не вызвал. У меня два «студенческих» вопроса. Первый вопрос, можно ли каким-то образом оценить динамику развития геополитического потенциала России на протяжении последних двадцати лет? На основе предложенной Вами формулы можем ли мы посмотреть, как менялся геополитический потенциал? Второй вопрос. У меня лично такое ощущение, подчеркну, это не мнение, а ощущение, что лишь отдельные представители государственной власти заинтересованы в реализации той геополитической стратегии, которую они предлагают обществу. Может быть есть еще какая-то тайная «труба», которую они реализуют, не доводя информацию до масс и не вызывая общественного резонанса? И по большому счету 150 млн. населению России геополитическую стратегию никто и никогда толком не представлял, не объяснял и не фиксировал. Что же мы хотим от общественного мнения, если вот о таких вещах, например, в региональных вузах вообще не слышат? Может быть представители МГУ, СПбГУ, Сибирского федерального университета (СФУ) что-то и разрабатывают,

но в региональных вузах таких вещей нет и не было. Как тогда можно формировать общественное мнение? А ведь целенаправленная пропаганда, обработка населения и манипулирование общественным мнением ведется со стороны той же самой Организации тюркских государств, и еще как ведется. Я эффективность этой обработки вижу на тех тюрках-студентах, которые учатся в региональных вузах. Вот мой второй вопрос. У меня большое желание узнать Вашу позицию.

И. Ф. Кефели. Спасибо, Сергей Иванович. Тут надо еще подумать, как грамотно ответить на Ваши «студенческие» вопросы. Насчет геополитической динамики, это не мое изобретение, не моя формула, не мои весовые коэффициенты, которые в этой формуле есть. Кому интересно, можете взять у Анны Анатольевны мою презентацию для своих работ. Подсчеты имеются, помимо этого, на протяжении всего XX в. проводились сравнения. Например, сравнивались геополитические потенциалы США, Китая, России, всех европейских государств, Японии. Измерения проводились в довоенный период, с начала XX в. до Первой мировой войны, и в период между Первой и Второй мировой войнами. Сравнения велись до 2006 г. Измерение динамики геополитического потенциала государств показало, например, что до середины 1970 гг., происходил рост геополитического потенциала Советского Союза, происходило его сближение с более высоким потенциалом США. В 1990-е гг. резко растет геополитический потенциал США и резко падает потенциал молодой страны – России. Расчеты были опубликованы в серии работ, и в одной из коллективных работ с В. А. Садовничим, эта информация там есть [речь идет о книге: Анализ и моделирование мировой и страновой динамики ..., 2015]. Но так, чтобы об этом говорили, писали и в учебники включали, этого нет, конечно. Хотя если взять любую газету, какого угодно российского региона, любое заявление государственного деятеля, то там слово «геополитика» и его синонимы используется чуть ли не через одно предложение. «Геополитика» стало расхожим словом, но что под ним понимается, спросишь автора, ничего ответить не может. Если говорить о динамике геополитического потенциала России, то он сейчас пока еще снижается. Активно растет и приближается к потенциалу США потенциал Китая.

Насчет ощущения, согласен, поводов для радости нет. Существуют ли какие-то там подземные течения или что-то гениальное замыслено нашими геополитическими правителями? Иными словами, стоит ли ждать, что государство сделает какие-то резкие движения, удивит весь мир и все станет на свои места, а мы будем дико радоваться и с песнями просыпаться? Этого нет. Даже на примере специальной военной операции мы видим, что у государства ожидаемого быстрого решения не получилось, оказалось, что мы попали в гибридную войну с коллективным Западом.

С. И. Черных. Спасибо, Игорь Федорович.

А. А. Изгарская. Пожалуйста, Николай Сергеевич.

Н. С. Розов. У меня два вопроса. Первый вопрос, развернутый, концептуальный, а второй вопрос короткий. Вернусь к теме доклада – геополитические риски для Российской Федерации. Возьмем только трех акторов, а именно: коллективный Запад, Тюркский мир и Китай. Рассмотрим их по таким параметрам. У кого есть реальные интересы, амбиции и идеи внешней экспансии, в том числе в форме «жесткой силы»? Это первый вопрос. Второй вопрос. У кого есть реальные попытки экспансии путем «жесткой силы»? Вот я знаю,

что таковые точно есть у Китая. Даже в школьных учебниках есть карты о том, что все Приморье является китайским, Байкал – китайский, Тыва – китайская, и чуть ли не вся Сибирь, изобилующая ресурсами, тоже китайская. И я знаю, что со стороны Китая были попытки применения «жесткой силы». В этом плане можно вспомнить и пограничный конфликт на острове Даманский, и в наше время по Амуру Китай все что хотел, он взял. Существует экспансия Китая на Филиппины, спор за акваторию и острова в Южно-Китайском море. Ни для кого не секрет, Китай зарится на Тайвань. Относительно «тюркского мира», тут мы знаем, что действительно на территории России проживает большое количество тюркоязычного населения. Но про амбиции и попытки экспансии я здесь не помню ничего, речь идет только о «мягкой силе». Теперь по поводу Запада. Может быть, Вам что-то известно об экспансии Запада, захвате Западом каких-то российских территорий? Если известно, тогда расскажите. Может быть, Вам известно что-то о каких-то попытках экспансии жесткими методами, об аннексии каких-то территорий за последние двадцать лет со стороны коллективного Запада? Мне такие факты неизвестны. И еще вопрос. Кто опаснее реально для Российской Федерации: Китай, тюркский мир или коллективный Запад? Просто в Вашем докладе я почувствовал отчуждение. Существует вот такой, какой-то ужасный Запад и, наверное, очень опасный. Однако если по этим параметрам посмотреть то, как Вы можете доказать, что от Запада опасность больше, чем от Тюркского мира или Китая?

И. Ф. Кефели. Серьезные вопросы. Спасибо за них, Николай Сергеевич. Относительно «жесткой силы» я только высказал свое мнение. И можно задать риторический вопрос: «А “мягкая сила” для чего нужна?»

Н. С. Розов. Скажем так, вредна ли «мягкая сила» для русского мира? Разве плохо для русского мира распространять везде русскую культуру, русский язык, русские фильмы, разве это преступно?

И. Ф. Кефели. Это наша задача Вы имеете в виду?

Н. С. Розов. Как Вы считаете? Очень плохо распространять везде свою «мягкую силу»?

И. Ф. Кефели. Это элемент внешней политики любого государства. Давайте я отвечу на Ваши вопросы, а потом подискутируем.

Н. С. Розов. Сколько можно было бы потратить на центры для изучения русского языка и русской культуры, и как это соотносится с военными тратами?

И. Ф. Кефели. Николай Сергеевич, я на какие Ваши вопросы должен ответить?

Н. С. Розов. Кто реально опаснее: Китай, тюркский мир или коллективный Запад?

И. Ф. Кефели. Понятно.

И. А. Пфаненштиль. Запад, конечно.

Н. С. Розов. Иван Алексеевич, обоснуйте.

И. Ф. Кефели. Иван Алексеевич сказал, что опасен Запад. Все опасны. Если переводить это на язык геополитики, то любая держава имеет свою определенную геополитику, явно или неявно выраженную, каждое государство решает свои геополитические задачи, в которые входит не только охрана границ, та же самая автаркия, но и осуществление контроля над пространством за пределами границ. И контроль всегда будет выливаться в захват пустующих пространств. Это чистый геополитический принцип. Пустых пространств не бывает. Если это пространство кем-то заселено, освоено, то этот захват идет через войну. Это, во-первых. Во-вторых, кто же страшней? Все страшны, но по-разному. Понимаете, например, уже всеми признано и В.В. Путин об этом заявил открыто на Мюнхенской

конференции в 2007 г., что развал СССР был геополитической катастрофой, именно геополитической. Отпали от СССР в первую очередь республики, которые оказались в поле влияния коллективного Запада и США. Еще один принцип геополитики – создание вокруг державы пояса безопасности. Об этом никогда явно не говорилось, это не признавалось, однако некоторые авторы рассматривали тот факт, что Советские республики были таким геополитическим поясом по отношению к Российской Федерации. Хотя я с этими не совсем согласен, но высказываю это как факт, который имел место в рассуждениях. Сам по себе социалистический лагерь то же самое – это был пояс безопасности уже для всего Союза.

Н. С. Розов. Так чем опаснее коллективный Запад? Конкретнее.

И. Ф. Кефели. Так зачем доказывать то, что и так ясно. Война идет на территории Украины, это прокси-война коллективного Запада с Российской Федерацией.

Н. С. Розов. И в этом он нам угрожает?

И. Ф. Кефели. Он не угрожает, он воюет.

Н. С. Розов. И второй у меня вопрос. Мы уже немножко поговорили про «мягкую силу», и если я правильно Вас понимаю, то вот этот Тюркский Союз, о котором Вы говорите очень тревожно, он будто бы большие риски создает через «мягкую силу». Однако вроде бы Вы согласились, что для русского мира «мягкая сила» это хорошо, тогда почему такая страшная опасность для нас от тюркского мира, если он ограничится «мягкой силой»? А вообще скажем так, другой вопрос: тюркский мир более опасен или русскими мир для своих соседей?

И. Ф. Кефели. Николай Сергеевич, Вы могли бы в таком случае, представить какую-либо карту России, подобную карте тюркского мира, которую я продемонстрировал? Можете представить карту, на которой Россия представлена со своими интересами на территории других государств, той же самой Западной Европы, Африки или других стран?

Н. С. Розов. Могу сказать, что русских и русскоязычных живет сейчас очень много и в США, и вообще везде, но не меньше, чем тюрков.

И. Ф. Кефели. Николай Сергеевич, Вы уже в совершенно другую область переходите, в область вопросов миграционных потоков.

Н. С. Розов. Вы так и не ответили на вопрос, кто опаснее, тюркский мир с его «мягкой силой» или наш русский мир в этом году?

Ю. В. Попков. На вопрос Игорь Федорович ответил.

И. Ф. Кефели. Тюркский мир мы должны рассматривать по другим категориям. А что касается «мягкой силы», у них есть сейчас идеология, а у нас идеологии нет. Для действенной «мягкой силы» наличие идеологии необходимо.

Н. С. Розов. Может быть нам нужно как раз сосредоточиться на «мягкой силе»? Искать союзников, чтобы у границ России были союзники, а не те, кто бегут что есть мочи, потому что ее боятся.

А. А. Изгарская. Николай Сергеевич, но Игорь Федорович как раз и сказал, что надо искать друзей, а наше государство проводит противоположную политику. При этом оно не слышит ученых, которые говорят о существовании опасности от того, что делает наше государство. И мы видим, что кумулятивные процессы где-то тоже происходят. И вдруг оказывается, что часть тюркского народа, на которую всегда надеялись евразийцы, начинает интегрироваться с совершенно другими силами. Я так поняла Игоря Федоровича.

И. Ф. Кефели. В принципе так. Еще нужно учитывать названные мной тенденции, которые сейчас четко прослеживаются в наших регионах, там, где изживается русский язык, например, даже в Бурятии. Уезжают ученые, уезжают творческие работники из Бурятии, Якутии. Поют местный, национальный гимн, российский не очень-то и нужен, понимаете, вот что здесь опасно. «Мягкая сила» это та тонкая вещь, которая сейчас уже выполняет серьезную функцию. Я сегодня совершенно не трогал вопрос, касающийся информационно-психологической, когнитивной безопасности. На этом уровне уже идут действия, как раз того же самого тюркского мира. Это тонкая материя, ее нужно глубже изучать, чтобы потом вот так взвешивать кто опаснее – Китай, Запад или тюркский мир. Мы же не на весах будем взвешивать страх.

Н. С. Розов. Очень даже в науке взвешивают и правильно делают.

Ю. В. Попков. Коллеги, давайте двигаться дальше.

И. А. Пфаненштиль. Я бы Николая Сергеевича поддержал, у нас есть опасность, но она не вне, а внутри. Многолетний процесс деформации должен был привести к этому, я предвидел это. Поэтому вопрос гораздо серьезнее, эта война вообще, не на жизнь, а на выживание. Вот о чем надо сегодня говорить, и вот где риск главный геополитический. Но ладно, я уже в дискуссию ухожу, спасибо.

И. Ф. Кефели. Иван Алексеевич, как тут лучше сказать-то? Мы должны выявлять причины таких наших запоздалых решений и сосредоточивать усилия по укреплению внутреннего мира. А без какой-то ясной, четкой государственной идеологии мы ничего сделать не сможем, будем вот все время в этих шорах находиться.

И. А. Пфанштиль. Согласен.

А. А. Изгарская. Хорошо, спасибо, Иван Алексеевич. Дмитрий Викторович, пожалуйста, Ваш вопрос.

Д.В. Ушаков. У меня нет вопросов к Игорю Федоровичу, есть просто несколько кейс-стади, которые я хотел бы потом пояснить, но мы пока не перешли к дискуссии. Поэтому я пока помолчу.

А. А. Изгарская. Коллеги, есть еще вопросы? Игорь Федорович, можно и мне задать вопрос? Игорь Федорович, идеология всегда опирается на некоторый базис, на какое-то экономическое основание, на какую-то политику государства в сфере экономики. Может быть, у нас нет идеологии, потому что у нас такая экономика? Может быть это результат того, что за тридцать лет у нас изничтожили многоотраслевую экономику. И никто нам это не навязывал, сделали все наши власть предержащие самостоятельно. И может быть, как раз четкая идеология, о которой Вы говорите, не нужна, она же делает очевидным то, что делается в нашей экономике? Это первый вопрос. Второй вопрос, евразийцы видят единство тюркского и славянских народов как нечто данное, как нечто трансцендентное. Они говорят о взаимодействии, об объединении народов, но как на основе евразийства можно объяснить распад этого единства? Мы видели, как в процессе распада Советского Союза от нас просто разбежались народы. И сегодня Вы как раз описали еще один этап, когда наши южные соседи готовы сотрудничать, объединяться, пускай пока под действием «мягкой силы», но не с нами, а с другим кумулятивным центром. Вопрос, можно ли на основе евразийства объяснить распад государства?

И. Ф. Кефели. Анна Анатольевна, понимаете, здесь прямой связи, цепочки, между идеологией и экономикой я бы не стал делать, потому что между идеологией и экономикой существует политика. Все в одной связке надо рассматривать. А политика, какая она была? Либеральная, и была соответствующая ей идеология. Провозглашалась полная свобода – делай, что хочешь, кради, где можешь ... О планах по развалу СССР свидетельствуют многие теперь уже открытые документы, например, меморандум Государственного департамента США от 18 августа 1948 г. «Задачи в отношении России». В этом меморандуме указывалось, какие задачи надо решать по разрушению, по слому идеологии, по привлечению творческой интеллигенции к противостоянию советскому строю и советской идеологии. Все было прописано. И самая главная, инструментальная фраза документа о том, что данный документ не имеет срока давности. Потом появлялись еще многие документы, которые, по сути дела, развивали положения, сформулированные в меморандуме, их можно все прочитать. Приведу еще один пример. 12 марта 1953 г. Государственным департаментом США издается документ о смерти Сталина, где прямо указывают, что смерть Сталина необходимо использовать для разрушения идеологии Советского Союза. Понимаете?

Психологическое влияние, то же самое начиналось еще с периода Второй мировой войны. У нас, правда, была переведена книга одного американского военного психолога Пола Лайнбарджера. В 1948 г. он издал книгу под названием «Психологическая война» [Лайнбарджер, 2015]. Она вышла у нас на русском языке в 1962 г. в «Воениздат». Военные использовали ее на занятиях в военных училищах, академиях. И на этом все. А целенаправленная психологическая война велась. П. Лайнбарджер пишет, что психологическая война является самой гуманной войной. В ходе ее людей не убивают, они становятся нашими друзьями после психологической обработки. Или сейчас вот, годы пандемии COVID-19 чем ознаменовались? В 2020 г. выходит целая серия работ представителей НАТО, например, французского офицера Франсуа дю Клузеля [см., например, Cluzel, 2021]. Он в Норфолке лабораторию возглавляет. Массово издает книги (включая популярные издания) под названием «Когнитивная война», где пишется не о безопасности от чего-то, от какого-то там русского мира, или от того же самого турецкого мира, от терроризма. Там идет речь о когнитивной войне против России, против Китая, против Ирана. Там прямо враги указаны, с кем надо воевать. Однако простой обыватель даже не узнает, каким образом его мозги перестроили. Поскольку уже существуют технологии нейропсихологического внедрения в мозг человека. И об этом сейчас все открыто пишется. Вот в чем все дело. Поэтому, насчет идеологии, тут говорить и говорить надо. Только кто у нас в нашем необъятном российском пространстве заявляет об этом? Один человек заявляет, а именно советник Министра обороны Андрей Михайлович Ильницкий [Ильницкий, 2021]. Он на протяжении двух последних лет в серии работ (в «Военной мысли» опубликована его последняя статья), выступлений, включая Государственную Думу, говорит об этом. А это официальная точка зрения Министерства, нашего государства, но она произносится одним человеком, больше никто не говорит о необходимости разработки стратегии ментальной безопасности населения Российской Федерации. Тишина в ответ. Никаких решений, никаких возражений, но и поддержки тоже нет.

Теперь, евразийцы о русском и тюркском мире и распаде государства. Я уже назвал работу Н. С. Трубецкого «Общевразийский национализм» [Трубецкой, 1927], его небольшая статья была опубликована в 1927 г. В ней он пишет о том, что Евразийское государство, так он называет в своей работе Советский Союз, если распадется, то мелкие государства, рано или поздно, попадут под влияние других центров силы. Этот прогноз сработал. Он понимал, что евразийский национализм после революции растворил национализмы, будем так условно говорить. Все стали равноправными. Но если эти республики отпадут, он как будто это предчувствовал, то каждая из них сразу же свой национализм возведет в ранг государственной политики. Так оно и происходит, к сожалению.

А. А. Изгарская. Спасибо, Игорь Федорович. Еще Харламов Андрей Васильевич хотел задать вопрос. Андрей Васильевич, пожалуйста.

А. В. Харламов. Игорь Федорович, спасибо большое за доклад, я сижу, конспектирую, как студент: много информации полезной. Но в конце Вашего доклада у меня вопрос возник, вопрос про российского обывателя, про которого Вы упомянули, и про психологическую, ментальную, когнитивную войну. Правильно ли я понял, что американские исследователи, американские политики занимаются как раз активно разработкой исследований в духе Льва Николаевича Гумилева, реализуя его тезис о том, что нужно искать друзей, а не врагов? Потому что все эти виды войн, которые Вы назвали, и даже сослались на ряд авторов, позволяют бескровно одерживать победу. Когда мы говорим о том, что мы воздействуем таким образом на противника, чтобы он перешел в наш стан, чтобы он, фактически, стал нашим союзником и с ним не пришлось бы вообще воевать, то получается, что они-то как раз знают это, интересуются этим, занимаются этим, разработки ведут, а мы лезем с грубой силой. Так происходит потому, что мы не владеем навыками психологической войны? Получается так, потому что обыватель у нас – и это сейчас единственное, что его может характеризовать, – ненавидит коллективный Запад, но в отношении возможности воздействовать на этого врага, условно говоря, методами ментальной войны – это даже нигде не рассматривается. Я правильно понимаю?

И. Ф. Кефели. Да, правильно понимаете, абсолютно верно, Андрей Васильевич. Да-да-да, еще вопрос, или я могу отвечать уже?

А. В. Харламов. Да-да, все.

И. Ф. Кефели. Я в хорошем смысле использовал слово «обыватель», мы все обыватели. Бытийствуем, живем, детей воспитываем, учим и так далее. Во всех сферах жизнедеятельности находимся почти одновременно. Но! Появилась новая реальность, реальность когнитивной войны. Это продукт развития психологической науки. Вот посмотрите, у нас в отечественной психологии сколько было много наработок, например, в советское время работы Льва Марковича Веккера [Веккер, 1964]. Наверное, Иван Алексеевич Пфаненштиль его помнит по занятиям, тогда отделение психологии было на философском факультете. Л. М. Веккер занимался вопросами психологии восприятия. Он докторскую диссертацию защитил по этой теме, по сути, по когнитивной психологии. Его предшественники, многие советские ученые после Ивана Петровича Павлова, я сейчас не буду всех перечислять, этими вопросами занимались.

И вот, я нахожу статью Джорджа Миллера, который является родоначальником когнитивной психологии [см. например, Miller, 1963]. В 1950-х гг. он ввел это понятие.

И он указывал, что предшественниками нового, когнитивного этапа развития психологии является психология И. П. Павлова. Вот. Но! Наши ученые писали учебники, читали лекции, вели эксперименты: в семидесятых годах А. И. Мещеряков и Э. В. Ильенков проводили мощное исследование со слепоглухонемыми детьми. Но наука сама по себе, а наша военная психология – ать, два, и так далее – сама по себе. А там, на рубеже пятидесятих-шестидесятых годов одновременно с искусственным интеллектом появились первые работы, создавались лаборатории, выделялись крупные гранты на ведение этих исследований, публикации шли потоком. Пентагон взял под крыло эти исследования. Мы об этом только сейчас заговорили. Никто о них раньше не знал. Однако механизмы предупреждения этих когнитивных операций описаны. Вот посмотрите работы Л. М. Веккера или других наших ученых-психологов по когнитивной психологии. Можно уже свой вариант противодействия, идеологического противоядия запускать в жизнь. Но нет, пока этого не происходит.

И. А. Пфаненштиль. Причина в том, что в Америке все институты и все ученые, любой преподаватель и аспирант работают практически на те задачи, которые ему ставят сверху. У нас никто этих задач не ставит, мы сами по себе. Вот насчет ментальной войны я Вам отвечу. У меня был тяжелый день, шесть часов в субботу – четыре лекции и семинар. У меня есть традиция, я вам ее могу подарить, которая, кстати, пришла от Льва Николаевича Гумилева, у него была такая привычка, а я ее у него взял, и она работает. Я перед началом лекции предлагаю своим студентам задать мне любые три вопроса, начиная от смысла жизни, любви и заканчивая самыми острыми политическими вопросами. Я им говорю, что буду им отвечать, может быть ошибаясь, но отвечать искренне. Этой традиции уже пятьдесят лет. Сегодня мне задали вопрос: как Вы относитесь к тому, что так много наших граждан уехало в Грузию, в Казахстан, в Эстонию, в Литву, а кто-то уехал в дальнее зарубежье? Три вопроса у меня превратились в метод. Я эти три вопроса тут же адресую группе. Говорю: «Ну, а как вы сами думаете?». Ответы бывают разные, жесткие ответы. Я послушаю ответ группы, после этого подвожу итог. Иногда провожу голосование. Например, по вопросу «Готовы вы уехать из России?». Иногда голосуют за отъезд до половины группы. А это у меня инженеры, радиофизики, это механики. Я веду занятия в политехническом институте. И я сам себе задаю вопрос о том, если бы мне было столько же лет как им, может быть, и я бы убежал одним из первых. Мы отравлены ментально. Так у моей аспирантки была тема по проблеме русского мира, так мои коллеги посчитали, что тема выбрана очень неудачно.

А. А. Изгарская. Иван Алексеевич, спасибо. Коллеги, мы уже заседаем достаточно много времени, у нас есть коллеги из-за рубежа, есть ли у них желающие задать вопрос или высказаться по прослушанному докладу. Есть желающие? Желающих нет. Теперь точно переходим к обсуждению, пожалуйста, коллеги. Дмитрий Викторович, пожалуйста.

Д. В. Ушаков. У меня несколько кейс-стади, которые я постараюсь быстро рассказать. Первое, это то, что касается тюркского мира. В 1994–2000 гг. у нас были очень развиты пантюркистские настроения, были открыты курсы. И я помню, моя коллега, заместитель директора по воспитательной работе, беседовала с мальчиком, ушедшим с урока, который вели два мужчины – турки. Они очень жестко отнеслись к ребенку, потому что он отказался изучать турецкий язык и транслировать турецкую символику. За это они его выдворили из класса. Второй момент, есть не только пантюркизм, такие тенденции действительно были, есть панмонголизм, есть другие, например, китайские тренды. Так проректор одного университета в Монголии меня спрашивал, как Вы, русские, относитесь к тому, что у нас

здесь будут преподавать китайцы. Он имел в виду Институты Конфуция. Я ответил, что на сегодняшний день ситуация такая, что Монголии надо быть между Россией и Китаем там, где есть связи. В наших вузах Институты Конфуция открывались, они и сейчас работают.

Еще один момент. В 2010 г. мы проводили этносоциологическую школу, помимо этого была большая конференция в Улан-Баторе. Я ехал на поезде в Монголию не со всей группой. В купе у меня был сосед, который говорил по-русски, но слабо. Его в десять лет родители увезли в США. Он меня очень много спрашивал о России: «Дмитрий, если я поеду через Россию в Украину, меня в России не побьют? Я не могу себя идентифицировать, папа у меня украинец, мама – русская». Я ему отвечал: «Почему тебя должны побить? О чем ты говоришь? Просто говоришь, что ты американец украинского происхождения». Тогда даже вопроса не стояло, но сегодня, вспоминая этот случай, я понимаю, что подобные вопросы их интересовали очень остро. Он очень сильно боялся ехать через Россию, у него было представление, что его обязательно спросят про какие-то корни этнические. Я ему посоветовал лететь самолетом, и он воспользовался моим советом и был очень доволен. Еще одна, уже современная ситуация.

В. Г. Костюк. Дмитрий Викторович, давайте, покороче.

Д. В. Ушаков. Моя знакомая из Казахстана, точнее ее дочь, уверена, что следующей страной будет Казахстан. Я говорю: «Подождите, о чем Вы говорите. Уже все было в январе. Когда Казахстан обратился за помощью к России ...»

И. Ф. Кефели. Дмитрий Викторович, тогда Казахстан обратился за помощью к ОДКБ. Это немного разные вещи.

Д. В. Ушаков. Да, спасибо, Игорь Федорович, к ОДКБ, извините. Я и спрашиваю у своей знакомой: «У Вас остался хоть один российский солдат?». Ситуация очень сложная, так как Казахстан, скажу просто, заигрывает, попадает в зону притяжения Китая, ведет активное взаимодействие с США. Рост национализма конечно есть, и не только в Казахстане, есть и в Бурятии и т. д. Все, что Вы сегодня говорили, все – правда! И несколько слов о моей любимой Монголии. Там тоже ситуация неоднозначная. Люди по-разному относятся к военной операции России, но Монголия занимает позицию нейтралитета. И последнее, наши вузы сотрудничают с зарубежными странами и успешно готовят студентов различных стран, включая специалистов для совместных проектов. У меня в этом году был большой социологический опрос, участвовало в исследовании семнадцать вузов. Все представители вузов сожалеют о том, что с Европой произошел такой разрыв. Но отмечают, что научные связи не прекратились, хотя давление политическое очень сильное.

А. А. Изгарская. Коллеги, кто еще хочет сказать несколько слов о прослушанном докладе?

И. Ф. Кефели. Коллеги, давайте ближе к теме доклада. Мы обсуждаем тему «Проблемы обеспечения геополитической безопасности России», но выходим за ее рамки, и, по неистребимой жизнью русской привычке, говорим обо всем.

А. А. Изгарская. Согласна с Вами полностью, Игорь Федорович. Николай Сергеевич, прошу.

Н. С. Розов. Мы говорили о том, что это очень тонкий вопрос, почему бывшие соседи, малые страны, бывшие союзники, или внутренние автономии могут быть привержены ценностям центра, лояльны его власти, или они, как сказал Дмитрий Викторович, с кем-то

там «заигрывают». Я скажу так, вопрос это конечно тонкий, но есть совершенно четкие, неопровержимые принципы. Присоединяются к сильным, успешным, уважаемым и выигрывающим войны. И бегут от изгоев автаркичных, слабых, проигрывающих войны, от тех, которые токсичны. Вот, так.

А. А. Изгарская. Спасибо, Николай Сергеевич. Пожалуйста, Сергей Иванович, Вам слово.

С. И. Черных. Несколько слов, коллеги. В продолжении к тому, что сказал Николай Сергеевич, о притяжении к сильным и бегстве от слабых. Относительно «мягкой силы», это крайне интересный вопрос. Эта сила слишком дорого стоит для нашего государства сегодня. Настолько дорого, что у нас просто, оказывается, возможностей нет эту «мягкую силу» где-то реализовать. Это показало трехдневное пребывание сил ОДКБ в Казахстане. И еще один момент. В качестве основного варианта геополитики педалируется то, что Дмитрий Песков, сошлюсь на него, назвал «островизацией». «Островизация» предполагает, я подчеркну это, технологический суверенитет, а также когнитивный суверенитет. Иными словами, это опять замыкание внутрь, а не развитие вовне. Если говорить о «мягкой силе», то надо говорить о стратегии, а не о частностях. О суверенитете страны можно говорить серьезно, когда есть научный суверенитет и образовательный суверенитет. А если мы не имеем ни первого, ни второго, ни третьего, то, как сказал тот же Песков, в течение последних двадцати лет у нас не сформировалось ни технологического суверенитета, ни когнитивного суверенитета, и в образовании мы получили полную зависимость. Поэтому говорить, что мы должны из этой ямы сегодня выбраться, с моей точки зрения, эту задачу должно взять на себя государство. Это единственный выход из сложившейся ситуации. Что мы сегодня имеем? Это очевидно, либо мы будем иметь стратегию, либо нет. Напрашивается еще один вопрос: а можем ли мы ее иметь? Чтобы ее сформулировать достаточно ли у нас понимания того, что происходит? Хватит ли у нас мозгов? Это очень большая проблема. Вот Игорь Федорович – молодец! Он поднимает такие вопросы, которые позволяют нам видеть наши перспективы. С другой стороны, Игорь Федорович правильно заметил, идей-то много, но ведь нас не слышат. Вот такая моя позиция.

А. А. Изгарская. Спасибо, Сергей Иванович. Николай Сергеевич, пожалуйста, Вам слово.

Н. С. Розов. Я коротко подчеркну еще раз, как проявляется «мягкая сила». Например, французы во многих странах, в том числе и в России, организовывают центры изучения французского языка и французской культуры. Далее, у немцев есть несколько центров в России, есть гранты, посвященные немецкому языку и культуре. Еще, Китай имеет широкую сеть центров Конфуция. Что мешает нам везде, там, где можно и где нас принимают, создавать центры ознакомления с русским языком и русской культурой? Вы говорите: «Мы не потянем, это очень дорого». Я с Вами не соглашусь, «мягкая сила» не в десять, а в сотни раз и даже в тысячу раз бюджетнее, дешевле, чем «жесткая сила», чем война. В сотни раз.

С. И. Черных. Николай Сергеевич, я с Вами спорить не собираюсь. Я согласен, «мягкая сила» бюджетнее, чем война. Однако в реальности мы имеем пять закрытых институтов русской культуры во Франции. Целых пять. Буквально десять лет назад все закрылись. И у нас в стране, например, ликвидированы годичные курсы русского языка, которые

работали для тех людей, которые приезжали в Россию из-за рубежа к нам учиться. Они закрылись. Я могу привести множество других свидетельств в этом плане – например, масса национальных землячеств, которые финансируются наполовину российскими деньгами, а наполовину или даже больше теми странами, откуда представители этих землячеств прибывают сюда. Вот об этом разговор. Мы имеем процессы, которые порождают внутреннюю борьбу. Это «мягкая сила», которая порождает борьбу на нашей географической территории.

А. А. Изгарская. Спасибо, коллеги! Владимир Алексеевич, пожалуйста.

В. А. Прошин. Очень интересный у нас сегодня разговор, а те вопросы, которые Игорь Федорович поднял, чрезвычайно важны. Когда Николай Сергеевич говорит о «мягкой силе», то я тоже за «мягкую силу». Однако «мягкая сила», я должен заметить этими проблемами занимаюсь давно, применяемая по отношению к другим странам, а именно по отношению к бывшим колониям Франции, Германии, Англии, она применяется только для завоевания симпатий на уровне идей и создания искаженной истории. Когда заходишь на первый этаж в Лувр сразу видно, что значит колонизация. Поэтому я хочу сказать, что неокOLONIALное мышление у французов и англичан продолжает работать. Обратите внимание, разрыв между развитыми и развивающимися странами не сокращается, а увеличивается. Это происходит потому, что существуют неокOLONIALные методы. Теперь несколько слов о нашей «мягкой силе». Это действительно хороший метод, но против нас применяется «жесткая сила». Я имею в виду существующие доктринальные документы государств Запада – в первую очередь, США, Германии. Например, сегодня принята новая «Стратегия национальной безопасности США», там четко и ясно прослеживается, что США – это государство глобального господства. Разве это мы до 2007 г. отказывались ратифицировать Договор об обычных вооруженных силах в Европе? Мы не производили оружие авиационное, мы не производили танки. Это видно по нашему заводу в Новосибирске, в 2015 г. он выпустил только два самолета. А в сообщениях западной прессы это представлено как увеличение производства авиационной техники Россией на 200 %. Мы до 2010 г. разоружились и в артиллерии, а в 2010 г. американцы начали перекидывать в Европу новейшие системы вооружения. Так как же можно говорить о «мягкой силе», которая против нас? Вот смысл в чем. С другой стороны, в начале 1990-х гг. мы надеялись на то, что нас пустят во все «клубы» и «союзы», поэтому мы не занимались идеологией. И здесь Игорь Федорович абсолютно правильно указал на важность развития и идеологии, которой нет. Важнейшими вещами являются устойчивое развитие и идеология. У нас нет ни устойчивого развития, ни идеологии. Следовательно, мы не являемся сегодня примером для тюркского мира. Сегодня тюркский мир объединяется на основе идеологии, какая бы она ни была. А евразийский мир – это то, что в свое время сказал в докладе наш Председатель Сибирского отделения Российской академии наук Валентин Афанасьевич Коптюг. Он сказал, что надо увязывать развитие мира с устойчивым развитием. Он был одним из первых, кто ввел в оборот категорию «устойчивое развитие». Когда же мы говорим о «жесткой силе», то она присутствует сейчас, например, в Арктике. «Жесткая сила» присутствует во всех санкциях против России. Например, последнее, установление цен на российскую нефть. Что это, как не проявление неокOLONIALного мышления? Оно длится, начиная с вышедшей в 1853 г. книги Ж. А. де Гобино «О неравенстве человеческих рас» [Гобино, 2016]. Спасибо, коллеги.

А. А. Изгарская. Спасибо, Владимир Алексеевич. Юрий Владимирович, пожалуйста.

Ю. В. Попков. Уважаемые коллеги, у нас сегодня очень интересный разговор, острый, проблемный. Особенно это важно в той ситуации, в которой мы находимся, когда однозначных и четких выходов из ситуации быть в принципе не может. Ситуация очень сложная. Я хотел заострить внимание на нескольких моментах. Во-первых, я согласен с Николаем Сергеевичем, что, когда мы будем сильными, к нам потянутся. Когда же мы станем сильными? Прежде всего, это произойдет тогда, когда будет сильная экономика, а развитие общества будет протекать в интересах большей части населения. Когда это возможно? Это станет возможным, если будет изменена модель экономического и политического развития, а также цивилизационная модель. Теперь об идеологии. Она у нас есть, но про нее не говорят. Это, конечно же, либерально-рыночная идеология. О ней не говорят, но активно реализуют те, кому это выгодно.

И. Ф. Кефели. Совершенно с Вами согласен, Юрий Владимирович. И ведь сколько раз уже их ловили, и сколько доказательств было. Например, по тому же Центробанку, о том, что он ведет по сути разрушительную для России и ее экономики монетарную политику. Хотя надежды у людей есть, что может быть что-то и произойдет.

Ю. В. Попков. Об этом и речь, мы все надеемся, а надежды наши не оправдываются. А по поводу идеологии можно отметить следующее, если мы представим, какой она будет, то мы не можем исключить варианта, что она окажется еще хуже, чем та, о которой не говорят. Я считаю, об идеологии можно будет говорить, когда будет изменен вектор и модель развития России. Но понимая это, я не могу предложить способа реализации. Поэтому ситуация, с моей точки зрения, очень грустная. Я не знаю, как это можно сделать. Многие об этом говорят, вот и Сергей Иванович задал вопрос о том, хватит ли мозгов? Я считаю, что мозгов-то хватит, они есть, но хватит ли воли?

С. И. Черных. Политической воли?

Ю. В. Попков. Не знаю, какая воля должна быть у самых верхов для того, чтобы сменить вектор развития страны.

С. И. Черных. Вот и получается, что мозгов-то много, но эти мозги, даже в их совокупности не могут обеспечить нужного перехода, так что же это тогда за мозги?

И. Ф. Кефели. Анна Анатольевна, вопрос об идеологии как самостоятельный можно было бы на одном из вебинаров обсудить, не уходя в крайности.

А. А. Изгарская. Хорошо, Игорь Федорович.

И. Ф. Кефели. Вот смотрите, например, один из важнейших последних документов, а именно Указ Президента «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации» от 2 июля 2021 г. Я выписал несколько статей, где прямо сказано о сохранении традиционных ценностей. Все правильно сказано, но сейчас нужна именно технология, которая обеспечит претворение этих общих положений в жизнь, в образование, в СМИ. Но нет, был брошен только клич о том, что нужно делать, а технологии социальной нет. Никто этим не замается.

Д. В. Ушаков. Уважаемые коллеги, не согласен, занимаются.

И. Ф. Кефели. Кто занимается?

Д. В. Ушаков. Те, кто сейчас у руководства лицеев, школ. Этот Указ ...

И. Ф. Кефели. Был вменен в обязательное исполнение.

Д. В. Ушаков Не вменен. Их ознакомили. Более того, они уже делали это все до данного Указа. Теперь они говорят о том, что наконец-то у них есть юридическое основание.

И. А. Пфаненштиль. Нищая зарплата, неуважение учителей со стороны учеников и родителей и бюрократия – вот, что в нашей школе.

А. А. Изгарская. Коллеги, давайте проблемы образования мы будем рассматривать на другом вебинаре, сейчас мы рассматриваем проблемы геополитической безопасности России.

И. Ф. Кефели. У нас самый главный тормоз, из-за которого мы бултыхаемся в разговорах об идеологии, в Конституции, в статье 13. Там сказано, что никакой единой государственной идеологии быть не должно. Это самое крупное препятствие, которое нужно преодолевать.

А. А. Изгарская. Пожалуйста, Иван Алексеевич, Вам слово.

И. А. Пфаненштиль. Игорь Федорович поставил проблему ясно и четко – безопасность. Мы же, благодаря уважаемому Николаю Сергеевичу, ушли в какой-то разговор о «мягкой силе». По сути, путая культуру с «мягкой силой». «Мягкая сила» ведет к оранжевым революциям, а культура – это способ выживания. Скажем, у нанайцев своя культура, она им позволяла выживать 10 000 лет, а у горцев своя. Не надо путать «мягкую силу» с культурой. В 1999 г., после бомбежки Югославии демократическими странами, я написал статью, она в журнале «Теория истории» есть. Прошло 20 лет и вижу, что тогда я был прав. Я вижу, как американцы уничтожали и уничтожают государства. И, Дмитрий Викторович, чем сильнее мы будем, тем больше нас будут ненавидеть. А по поводу Вашего документа, поинтересуйтесь, кто его писал. Там слова «православие» нет. Один раз упоминается мимоходом. Вот, Николай Сергеевич улыбается, он правильно улыбается, он видит во мне оппонента.

Н. С. Розов: Я приеду в этом году в Красноярск, там у меня два доклада, один из них «О верховенстве права в геополитике». Приходите, Иван Алексеевич. Приглашаю Вас на свой доклад.

И. А. Пфаненштиль. Приезжайте, дорогой Николай Сергеевич! Примем Вас радушно! И, коллеги, если мы не вернемся в свою парадигму, к своим ценностям, в свой мир, не национализируем и не уничтожим всю эту воровскую олигархию, мы не сможем говорить о том, что наша страна в безопасности.

И. Ф. Кефели. Большое спасибо, дорогие коллеги. Я рад такому интеллектуальному рингу. Мы редко собираемся в таком формате. Сейчас нам позволяет общаться техника, хотя конечно хотелось бы встречаться очно. В докладе я старался рассказать о состоянии проблем, заострить их, чтобы возбудить умы. Очень рад, что такая живая, творческая реакция произошла.

А. А. Изгарская. Спасибо вам огромное, Игорь Федорович, что взяли сегодня такую тяжелую и сложную, даже где-то опасную, тему на рассмотрение. Мы потратили почти два с половиной часа, это уже само по себе говорит о востребованности обсуждения подобной тематики. Ваш доклад, с одной стороны, раскрыл много нового, полезного для последующего осмысления проблем геополитической безопасности. С другой стороны, благодаря Вашему докладу мы смогли сегодня увидеть основные позиции, сформировавшиеся в нашем научном

сообществе по насущным вопросам. Теперь мы будем наблюдать, что будет происходить дальше в нашей стране, и будем видеть какие предсказания, какие ожидания будут сбываться. Спасибо за Ваш прекрасный доклад, Игорь Федорович! Коллеги, спасибо всем за работу.

И напоминаю, коллеги, в следующий раз мы встречаемся 24 декабря. С докладом «Концептуальные основы и результаты исследований Новосибирской научной этносоциологической школы: в горизонте реализации советской модели евразийской интеграции» выступит Юрий Владимирович Попков, д-р филос. наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения РАН, руководитель семинара «Этносоциальные процессы в Сибири». Приглашайте всех, кто заинтересован в обсуждении темы.

Список литературы / References

Анализ и моделирование мировой и страновой динамики: методология и базовые модели. (2015). Отв. ред. В. А. Садовничий, А. А. Акаев, С. Ю. Маков, Л. Е. Гринин. М. Изд-во «Учитель». 272 с.

Sadovnichy, V. A., Akaev, A. A., Malkov, S. Yu., Grinin, L. E. (eds.). (2015). *Analysis and modeling of global and country dynamics: methodology and basic models.* Moscow. 272 p. (In Russ.)

Веккер, Л. М. (1964). *Восприятие и основы его моделирования.* Л. Изд-во Ленинградского университета. 194 с.

Wecker, L. M. (1964). *Perception and bases of its modeling.* Leningrad. 194 p. (In Russ.)

Гобино, Ж. А. де (2016). *Опыт о неравенстве человеческих рас.* М. Самотека. 664 с.

Gobino, Zh. A. de (2016). *An Experiment on the Inequality of Human Races.* Moscow. 664 p. (In Russ.)

Гумилев, Л. Н. (1992). «Скажу Вам по секрету, что если Россия будет спасена, то только через евразийство». *Социум.* № 5. URL: <http://gumilevica.kulichki.net/articles/Article28.htm> (дата обращения: 03.12.2022).

Gumilyov, L. N. (1992). «I'll tell you a secret that if Russia is saved, then only through Eurasianism». [Online]. *Socium.* No. 5. Available at: <http://gumilevica.kulichki.net/articles/Article28.htm> (Accessed: 03 December 2022). (In Russ.)

Л. Н. Гумилев: pro et contra, антология. (2012). Научн. ред. И. Ф. Кефели, вступ. статья Н. М. Дорошенко, И. Ф. Кефели; сост., коммент. Н. М. Дорошенко, И. Ф. Кефели. СПб.: Изд-во РХГА. 1007 с.: илл. (Русский Путь).

Kefeli, I. F. (ed.) (2012). *L. N. Gumilev: pro et contra, anthology.* Doroshenko, N. M., Kefeli, I. F. (prefce). St. Petersburg. 1007 p. (In Russ.)

Ильницкий, А. М. (2021). Обеспечение интеллектуального лидерства – основа национальной безопасности. *Военная мысль*. 2021. № 1. С. 6-21. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44626024> (дата обращения: 03.12.2022).

Ilitsky A.M. (2021). Ensuring Intellectual Leadership is the Basis of National Security. [Online]. *Military Thought*. 2021. No. 1. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44626024> (Accessed: 03 December 2022). (In Russ.)

Лайнбарджер, П. (2015). *Психологическая война. Теория и практика обработки массового сознания*. М. Центрополиграф. 445 с.

Linebarger, P. (2015). *Psychological Warfare. Theory and Practice of Mass Consciousness Processing*. Moscow. 445 p.

Советская цивилизация и евразийская идея: две истории длиною в век (к 100-летию образования СССР и становления евразийства). (2022). Под ред. д-ра филос. наук, проф. И. Ф. Кефели; предисловие академика РАН С. Ю. Глазьева. СПб.: ИД «Петрополис». 532 с.

Kefeli, I. F. (ed.) (2022). *Soviet civilization and the Eurasian idea: two centuries-long stories (on the 100th anniversary of the formation of the USSR and the formation of Eurasianism)*. Glazyev, S. Yu. (preface). St. Petersburg. 532 p. (In Russ.)

Трубецкой, Н. С. (1927). Общевразийский национализм. *Евразийская хроника*. Вып. 9. Париж. С. 24-31.

Trubetskoy, N. S. (1927). Common Eurasian nationalism. *Eurasian Chronicle*. Iss. 9. Paris. pp. 24-31. (In Russ.)

The Global Risks Report 2017. 12th Edition. World Economic Forum. (2017). Geneva. 78 p.

The Global Risks Report 2022. 17th Edition. World Economic Forum. (2022). Geneva. 116 p.

Miller, George A. (1963). *Language and communication*. New York. McGraw-Hill.

Wilson, D., Purushothaman, R. (2003). Dreaming with BRICs: The Path to 2050. *Global Economics*. № 99.

Cluzel François du. (2021). Cognitive Warfare. [Online]. *Innovation Hub*. 45 p. Available at: https://www.innovationhub-act.org/sites/default/files/2021-01/20210113_CW%20Final%20v2%20.pdf (Accessed: 03 December 2022).

Докладчик / Speaker

Кефели Игорь Федорович – доктор философских наук, профессор, директор Центра геополитической экспертизы Северо-Западного института управления РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, ведущий научный сотрудник, профессор высшей школы международных отношений Санкт-Петербургского политехнического университета Петра

Великого, профессор кафедры социальной безопасности Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, первый вице-президент Академии геополитических проблем, г. Санкт-Петербург, e-mail: geokefeli@mail.ru.

Kefeli Igor Fedorovich – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Director of the Center for Geopolitical Expertise of the North-Western Institute of Management of the RANEPА under the President of the Russian Federation, Leading Researcher, Professor of the Higher School of International Relations of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Professor of the Department of Social Security of the A.I. Herzen Russian State Pedagogical University, First Vice President Academy of Geopolitical Problems, St. Petersburg, e-mail: geokefeli@mail.ru.

Модератор / Moderator

Изгарская Анна Анатольевна – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии и права Сибирского Отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8, e-mail: aizgarskaya@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9313-0805>

Izgarskaya Anna – Doctor of Philosophical Sciences, Leading Researcher of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolayev Str., 8, e-mail: aizgarskaya@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9313-0805>

Текст подготовили / The text was prepared

Изгарская Анна Анатольевна – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии и права Сибирского Отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8, e-mail: aizgarskaya@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9313-0805>

Гордейчик Екатерина Александровна – аспирант кафедры права и философии Новосибирского государственного педагогического университета, г. Новосибирск, ул. Вилюйская, 28, e-mail: ekaterina.agata@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7794-5198>

Дворкин Антон Борисович – аспирант кафедры права и философии Новосибирского государственного педагогического университета, г. Новосибирск, ул. Вилюйская, 28, e-mail: svagor8888@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4434-4302>

Литошенко Иван Федорович – аспирант кафедры права и философии Новосибирского государственного педагогического университета, г. Новосибирск, ул. Вилюйская, 28, e-mail: ivanll@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9291-2696>

Лукьянов Николай Евгеньевич – аспирант кафедры права и философии Новосибирского государственного педагогического университета, г. Новосибирск, ул. Вилюйская, 28, e-mail: nikolaylukyanov70@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4068-8340>

Чуглаева Анастасия Юрьевна – магистрант кафедры права и философии Новосибирского государственного педагогического университета, г. Новосибирск, ул. Вилюйская, 28, e-mail: Niy-kiy@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4938-7168>

Шарифуллина Наталья Викторовна – магистрант кафедры права и философии Новосибирского государственного педагогического университета, г. Новосибирск, ул. Вилюйская, 28, e-mail: n.sharifull@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5117-7522>

Статья поступила в редакцию: 28.11.2022

После доработки: 09.12.2022

Принята к публикации: 15.12.2022

Izgarskaya Anna – Doctor of Philosophical Sciences, Leading Researcher of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolayev Str., 8, e-mail: aizgarskaya@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9313-0805>

Gordeychik Ekaterina – Postgraduate Student at the Department of Law and Philosophy of the Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Vilyuyskaya Str., 28, e-mail: ekaterina.agata@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7794-5198>

Dvorkin Anton – Postgraduate Student at the Department of Law and Philosophy of the Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Vilyuyskaya Str., 28, e-mail: e-mail: cvagor8888@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4434-4302>

Litoshenko Ivan – Postgraduate Student at the Department of Law and Philosophy of the Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Vilyuyskaya Str., 28, e-mail: ivanll@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9291-2696>

Lukyanov Nikolay – Postgraduate Student at the Department of Law and Philosophy of the Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Vilyuyskaya Str., 28, e-mail: e-mail: nikolaylukyanov70@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4068-8340>

Chuglaeva Anastasia – Master Student at the Department of Law and Philosophy of the Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Vilyuyskaya Str., 28, e-mail: Niy-kiy@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4938-7168>

Sharifullina Natalya – Master Student at the Department of Law and Philosophy of the Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Vilyuyskaya Str., 28, e-mail: n.sharifull@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5117-7522>

The paper was submitted: 28.11.2022

Received after reworking: 09.12.2022

Accepted for publication: 15.12.2022